

Норвелл Аткин - полковник США в отставке, прожил восемь лет в Ливане, Иордании и Египете, имеет степень специалиста в области арабских исследований Американского Университета в Бейруте, в настоящее время инструктирует персонал армии США, направляемый в Ближневосточный регион.

Норвелл Аткин. Почему арабы проигрывают войны

[Источник: The Middle East Forum](#)

Арабо-язычные армии, в общем, не были эффективными в современную эпоху. Египетские регулярные силы плохо проявили себя против нерегулярных войск Емена в 1960х.^[1] Сирийцы смогли навязать свою волю в Ливане в течение середины 1970х только при помощи подавляющего вооружения и численности.^[2] Иракцы оказались слабыми против иранских вооруженных сил, ослабленных революционной суматохой 1980х и не смогли выиграть тридцатилетнюю войну против курдов.^[3] Арабские военные операции с обеих сторон в войне 1990г против Кувейта были посредственны.^[4] И Арабы плохо показали себя почти во всех военных конфронтациях с Израилем. Для чего этот не впечатляющий отчет? Есть множество факторов: экономические, идеологические, технические, но, возможно, самый важный - имеет отношение к культуре и определенным социальным признакам, которые не позволяют арабам создать эффективную военную силу.

Трюизм военной жизни состоит в том, что армия обучается в бою. Я привлёк свои многолетние наблюдения за арабами в попытке сделать выводы основываясь на том, как они идут в бой. Следующие впечатления исходят из личного опыта общения с арабскими военными учреждениями в качестве американского военного атташе, офицера службы безопасности, офицера наблюдателя сил безопасности Эмиратов и тридцати лет исследований Ближнего Востока.

НЕУДАЧНЫЕ НАЧАЛА

Анализ культуры в стратегических исследованиях имеет слабое развитие, такие исследования подменялись варевом невежества и мифологии. Американская армия в 1930х оценила японский национальный характер, как не стремящийся к новизне и сделала ложные выводы.^[5] Гитлер отклонил Соединенные Штаты как общество полукровок^[6] и недооцененный результаты вступления Америки в войну. Эти примеры показывают, когда культуру рассматривают в плоскости силы и слабости, то это приводит к диким искажениям, особенно в понимании того, почему государства, не готовые к войне вдруг вступают в бой, с приливом силы и веры. Искушение состоит в том, чтобы приписать такие культурные признаки вражескому государству, которые отрицают его превосходство в численности или вооружении. Или рассматривать потенциального врага через призму собственных культурных норм. Американские стратеги предполагали, что порог боли северных вьетнамцев близок их собственному и что воздушная бомбардировка Севера поставит их на колени.^[7] Три дня бомбёжек, как думали, будет достаточно для Сербов, фактически же, потребовалось семьдесят восемь дней.

Особенно опасно делать поверхностные предположения о способностях к войне, основанные на прошлом опыте. Мрачные французские операции во франко-прусской войне 1870 привели немецкое верховное командование к чрезмерно оптимистической выводам перед Первой Мировой Войной.^[8] Упорство и храбрость французских солдат в принудили немецкое командование переоценить способности французов.^[9] Израильские генералы недооценили египетскую армию в 1973, исходя из египетского поражения в войне 1967.^[10]

Культуру трудно ухватить. Она не тождественна расе или этносу. История войны высмеивает попытки привязать жесткие культурные атрибуты к индивидуумам, как это рисует военная история от Римской Империи до Оттоманской. В обоих случаях тренировка, дисциплина, честь, напор, не определяются индивидуальным происхождением солдат.^[11] Высоко дисциплинированные, эффективные римские легионы, были многонациональны, а элитные оттоманские янычары набирались из балканских христиан.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ

Понимание предшествующих ошибок должно позволить оценить роль культурных факторов в войне. Джон Киган, выдающийся военный историк, утверждал, что культура - главный детерминант природы войны. В отличие от привычного способа ведения европейских войн, которую он называет "лицом к лицу", Киган изображает ранние арабские армии в исламскую эру, как мастеров уклонения, задержек и обмана.^[12] Исследование арабской войны в текущем столетии приводит к заключению, что арабы более успешны в повстанческой или политической войне^[13] - то, что Т. Е. Лоренс назвал "войны без сражений".^[14] Даже хвалёное египетское форсирование Суэца в 1973 в своей сути содержало мастерский план обмана. Вполне возможно, что эти постоянные признаки следуют из культуры, порождающей хитрость, коварство, уклончивость и скрытность в личных отношениях.^[15]

По этим линиям, Кеннет Поллак заключает своё исчерпывающее исследование арабской военной эффективности, отмечая, что "определенные образцы поведения, созданные доминирующей арабской культурой были самыми важными факторами, вносящими свой вклад в ограниченную военную эффективность арабских армий и воздушных сил с 1945 по 1991гг."^[16] Эти признаки включали сверхцентрализацию, отсутствие инициативы, нехватку гибкости, манипуляцию информацией и подавление лидерства на уровне младших офицеров.

Критический уровень "Столкновения Цивилизаций"^[17] Сэмюэля Хантингтона не уменьшает его жизненного взгляда на мир, в котором народы сгруппированы по религиям и культурам, а не политическим или экономическим критериям, что оскорбляет академиков. Мир определяемый расой и родом - это действительность, которую не отменили современные коммуникации и технологии.

Вьетнамские коммунисты вели не ту войну, которой Соединенные Штаты обучали своих солдат, чеченцы и афганцы вели не ту войну, к которой были готовы русские. Это влечет за собой нечто больше, чем простое переоснащение вооружения и переквалификацию солдат. Это требует понимания культурной мифологии врага, его истории, отношения ко времени, и т. д., требует больших затрат времени и денег, чем это может позволить бюрократическая машина.

Я предлагаю некоторые оценки роли культуры в военном обучении арабо-язычных офицеров. Я ограничусь, преимущественно, обучением по двум причинам. 1) Я наблюдал много учений и только одну военную кампанию (Иорданской Армии против Организации Освобождения Палестины в 1970). 2) Армии воюют так, как они были обучены. Войска обусловлены привычками мирного времени, политикой, и тренировками; они не подвергается внезапной метаморфозе, превращающей гражданских жителей в воинов. Генерал Джордж Паттон любил вспоминать историю о Юлии Цезаре, который "Зимой так обучал свои легионы и каждого солдата к конкретным обязанностям, что, когда весной он начинал войну против Галов, ему не было необходимо отдавать приказы, поскольку все знали, что и как нужно делать."^[19]

ИНФОРМАЦИЯ КАК ВЛАСТЬ

В каждом обществе информация - средство, поддерживающее богатство и власть, но арабском мире информация удерживается особенно сильно. Американские специалисты часто удивляются факту, что информация, переданная ключевому персоналу не передаётся на нижние уровни. Научившись выполнять некоторую сложную процедуру, арабский техник понимает, что он неоценим, пока он - единственный в боевой единице, имеющий такие знания; как только он поделится знанием с другими, он больше не будет единственным, и его власть ослабнет. Это ярко проявилось в случае, когда американская мобильная учебная команда, работающая с египетскими танкистами получила "Руководство Операторов", переведенное на арабский язык. Американские специалисты раздали брошюры танкистам. Сразу после этого, командир роты отобрал руководства у солдат. Когда американцы потребовали объяснений, командир заявил, что нет смысла давать руководства водителям, поскольку они не умеют читать. Фактически, он не хотел, чтобы военнослужащие имели независимый источник знания. Был единственный человек, который мог объяснить, использование инструментов контроля огня - это обеспечивало ему престиж и внимание. В военных терминах это означает очень низкую взаимозаменяемость, например, в команде танка, где стрелок, заряжающий и водитель могут быть опытны в своей области, но не готовы заменить товарища при несчастном случае. Такой подход не позволит создать гладко функционирующую команду.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Обучение, со временем, имеет тенденцию к потере наглядности, сокращению, высушиванию, не оспариванию. Поскольку арабская образовательная система основана на механическом запоминании, офицеры должны иметь феноменальную способность

заучивать огромное количество информации. Система изучения состоит из лекций, со студентами, делающими массивные конспекты, которых экзаменуют только в тех рамках, о чём им говорили. (Это также имеет интересные аспекты для иностранных преподавателей; например, доверие к преподавателю уменьшается, если он обращается к книге). Акцент на запоминание имеет цену, и это приводит к девальвации способности вести рассуждение или анализ, основываясь на общих принципах. Размышление вне рамок не поощряется; выполнение подобных действий публично может повредить карьере.

Соревнования среди персонала избегают, по крайней мере открыто, поскольку это означает, что кто-то проигрывает и это нанесёт ему оскорбление. Это табу имеет особую силу, когда класс состоит из студентов из разных социальных слоёв. Образование рассматривается, как средство личного престижа, таким образом, арабы в американских военных школах стараются изо всех сил показать, что занимают место, согласно военному чину или социальному слою.

Американские военные преподаватели, имеющие дело с ближневосточными студентами, должны быть уверены, что на вопрос, который он адресует студенту в классе, последний имеет правильным ответ, особенно если тот - офицер. Если студент не сможет ответить на вопрос, он будет чувствовать себя публично оскорбленным. Более того, в часто-параноидальной окружающей среде арабской политической культуры, он будет видеть в этом злонамеренную установку. Этот студент станет врагом преподавателя, а его одноклассники начнут опасаться того, что также будут выбраны для оскорбления, в результате, обучение становится невозможным.

ОФИЦЕРЫ ПРОТИВ СОЛДАТ

Арабские младшие офицеры хорошо обучаются техническим аспектам вооружения и тактике, но не лидерству, ему уделяется слабое внимание. Например, генерал Саад ас-Шазиль, начальник египетского штаба, в своей оценке армии до войны 1973 отметил, что их не обучали брать на себя инициативу или предлагать оригинальные решения или новые идеи.^[20] Действительно, лидерство является наибольшей слабостью арабских учебных систем. Эта проблема вытекает из двух главных факторов: высоко акцентированной классовой системы, граничащей с системой каст, и нехваткой программ развития неофицерского состава.

Большинство арабских офицеров смотрит на срочнотружущих солдат, как недолюдей. Однажды я наблюдал, как во время посещения американских сановников, поднялся ветер, несущий острые частицы песка из пустыни, египетские солдаты были выстроены в шеренгу, чтобы оградить американцев; другими словами, солдат использовали в качестве бурелома. Идея заботы о человеке имеет место только в среде элитных подразделений египетских вооруженных сил. В типичный уикэнд, офицеры подразделений, размещенных вне Каира, садятся в свои автомобили и едут домой, оставляя военнотружущих, которые пересекают пустыню по направлению к шоссе, где они на попутных автобусах или грузовиках добираются до Каирской железнодорожной станции. Гарнизонные

расквартирования не имеют никаких удобств для солдат. Та же ситуация, в различных степенях, существует в других в арабо-язычных странах, чуть лучше в Иордании, чуть хуже в Ираке и Сирии.

Молодые призывники, составляющие большую часть египетской армии, имеют серьезные основания ненавидеть воинскую службу и делают всё, включая членовредительство, чтобы избежать службы. В Сирии богатый покупает льготы для своего сына или способствует назначению его в небоевые части. В общем, дисциплина в вооруженные силы Плодородного Полумесяца базируется на страхе; в странах, где племенная система все еще в силе, типа Саудовской Аравии, врожденный эгалитаризм общества смягчается страхом, как главным мотивирующим фактором, но страх, не лучшая основа дисциплины.^[21]

Социальная и профессиональная дистанция между офицерами и военнослужащими присутствует во всех армиях, но в Соединенных Штатах и других Западных странах, сержанты являются соединительным звеном. Действительно, профессиональный корпус сержантского состава является одним из главных в американских вооруженных силах в своих лучших проявлениях; сержанты являются, как первичными инструкторами в профессиональной армии, так и наставниками срочнослужащих. Большинство арабских стран или вообще не имеют сержантов, или их функции атрофированы, что также препятствует эффективности вооруженных сил. За некоторыми исключениями, сержанты относятся к той же низшей категории рядовых и не служат мостом между рядовыми и офицерами. Офицеры обучают солдат, но социальная пропасть между рядовыми и офицерами приводит к небрежному, формализованному и неэффективному процессу обучения. Аспект показа-и-рассказа в обучении часто отсутствует, потому что офицеры не хотят пачкаться и предпочитают игнорировать практические аспекты их предмета.

Военная цена такому разрыву очень высока. Без единства, обеспечиваемого сержантами, боевые единицы имеют тенденцию распадаться в напряжении боя. Это факт, что срочнослужащие солдаты, не доверяют своим офицерам. Как только офицеры отбывают из учебных частей, обучение разваливается. Египетский офицер однажды объяснил мне, что катастрофическое поражение египетской армии в 1967 следовало из отсутствия единства в пределах боевых единиц. Ситуация, он сказал, только незначительно улучшилась в 1973. Иракские пленные солдаты в 1991 проявили удивительный страх и вражду к своим офицерам.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Решения принимаются и поставляются сверху с очень небольшой горизонтальной коммуникацией. Это приводит к высоко централизованной системе и, почти, никогда не делегированной власти. Редко, когда офицер принимает критическое решение самостоятельно; он предпочитает безопасный путь, чтобы его воспринимали, как трудолюбивого, интеллектуального, лояльного и послушного. Обратиться на себя внимание, как на новатора или склонного принимать решения - верный рецепт для неприятностей. Как и в гражданской жизни, конформизм - подавляющая социальная норма; "гвоздь,

который торчит, забивают".

Американские инструкторы часто испытывают разочарование, не понимая, что арабский офицер испытывает недостаток власти, чтобы сделать распоряжение и, в то же время боится признать, что он испытывает недостаток власти. Автор несколько раз видел, как распоряжения относительно отделения принимались на уровне командира батальона, бывают ситуации, требующие даже одобрения министерства обороны. Сержанты в армии США имеют такую же власть, как полковник в арабской армии. Командиры боевых единицы у арабов имеют немного власти. Политизированная природа арабских армий означает, что политические факторы весят гораздо больше, чем военные. Офицеры с инициативой и склонностью к самостоятельным действиям ставят под угрозу режим. Это может быть замечено не только на уровне национальной стратегии, но и во всех аспектах военных операций и обучения. Если арабские армии стали менее политизированным и более профессиональными при подготовке к войне с Израилем в 1973, ^[22] то, как только война закончилась, старые традиции вернулись. Теперь, к этому добавляется, все более бюрократизируемая система военных учреждений. Ветеран паркетных войн в Пентагоне почувствовал бы себя ребёнком, столкнувшись с интригами и конкуренцией, существующей в арабском военном штабе.

Американские инструкторы очень разочаровываются, когда сталкиваются с привычкой арабских офицеров, обвинять в неудачных операциях или американское оборудование, или какой либо другой внешний источник. Ответственность за эксплуатацию американского оборудования возлагают на "нехватку запасных частей", несмотря на то, что американские инструкторы предъявляют документы достаточных поставок, прибывающих в страну, но исчезающих в работающей со сбоями системе обеспечения. (Такая критика никогда не была едкой или личной и часто настолько косвенной и вежливо поставленной, что понималась только при встрече.) Этот императив работает даже на наиболее высоких уровнях. Во время войны в Кувейте, иракские силы заняли город Кафджи в северо-восточной Саудовской Аравии после того, как его оставили саудиты. Генерал Халид бин Султан, саудовский командующий наземных войск, просил письмо от генерала Нормана Шварцкопфа, заявляя, что инициатива отступления исходила от американского генерала.^[23] Генерал Халид бин Султан, как и ожидалось, обвинил американцев в том, что иракцы заняли города.^[24] В действительности, проблема состояла в том, что саудовская пехота просто оставила поле битвы.^[25] Саудиты, фактически, бежали, несмотря на превосходство в численности над иракским подразделением, приближающимся к Кафджи, но саудовская гордость требовала, чтобы в этом были обвинены иностранцы.

Что касается оборудования, то здесь существует обширный культурный разрыв между американским и арабским обслуживанием и системами логистики. Арабские трудности с американским оборудованием не сводятся только к проблеме, что "арабы не производят обслуживание", но кое-чему более глуокому. Американское понятие системы вооружения не передается легко. Система вооружения несёт с собой определенное обслуживание, процедуры логистики, политику и, даже, философию, все это основанно на американской культуре, с ее ожиданиями определенного образовательного уровня и ответственности. Инструменты, которые доверяют американскому батальону (единица в 600-800 человек) в

арабской армии будут, наиболее вероятно, найдены на более высоком уровне, вероятно, двумя или тремя эшелонами выше. В США оборудование и его обслуживание основаны на понятии ремонта на самом низком уровне и поэтому требуют делегации власти. Без необходимых инструментов, запасных частей, и диагностики, позволяющей содержать оборудование, и при наличии страха сообщить о плохих новостях старшим, командир подразделения ищет козлов отпущения. Все это объясняет, почему я много раз слышал в Египте, что американское вооружение - "слишком деликатное"

Арабы не упускают случай приобрести самые современные из военных аппаратных средств и делают все, чтобы избежать проблем обслуживания, логистики, и обучения. Но они запутывают и входят в заблуждение до такой степени, что американские инструкторы почти не могут им помочь. Более того, арабское нежелание быть искренним относительно проблем обучения делает чрезвычайно трудным для иностранных советников обеспечить инструкции необходимого уровня или оценить учебные потребности.

СОВМЕСТНЫЕ АРМЕЙСКИЕ ОПЕРАЦИИ

Недостаток сотрудничества является самой очевидной причиной поражений совместных операций арабских армий. Регулярный иорданский пехотный батальон, например, столь же хорош, как и сопоставимое израильское подразделение; однако, координация, требуемая для объединения действий пехоты, артиллерии, авиации и логистики, просто отсутствует. Действительно, чем выше эшелон, тем больше неравенство. Это следует из нечастых совместных учений.

Эта проблема следует из трех главных факторов. Во первых, известное недоверие арабов к любому, находящемуся вне их семьи, что очень неблагоприятно сказывается на наступательных операциях.^[26] Исключением являются элитные подразделения (которые в арабском мире имеют обязанность защиты режима, а не страны). Это культура, в которой почти каждая сфера человеческого усилия, включая деловые и социальные отношения, основанна на семейности, эта ориентация также присутствует в вооруженных силах, особенно в напряженном сражении. Наступательное действие, в основном, состоит из огня и маневра. Элемент маневра должен быть уверенным в том, что будет поддержан огнём прикрытия. Если есть недостаток доверия к поддержке, то поднять войска на окопавшегося противника может только офицер, выходящий вперед, а это, как раз то, что не характерно для арабского офицера.

Во вторых, сложная мозаичная система народов создает дополнительные проблемы для обучения, поскольку правители на Ближнем Востоке используют сектантские и племенные привязанности, чтобы поддержать власть. Алавитское Меньшинство управляет Сирией, Восточные бедуины управляют Иорданией, Сунниты управляют Ираком, и Неждисты управляют Саудовской Аравией. Это прямо отражается на вооруженных силах, где сектантские взгляды сказываются на назначениях и поощрениях. Некоторые меньшинства (Черкесы в Иордании или Друзы в Сирии) связывают своё благосостояние с правящей элитой и выполняют критические функции защиты; другие (типа Шиитов Ирака) не допускаются в корпус офицеров. В любом случае, назначение

офицеров, базируется на сектантских принципах работает против назначений, основанных на заслуге.

Та же самая нехватка доверия работает на межгосударственном уровне, где арабские армии показывают очень низкое доверие друг другу, и с серьезными основаниями. Гамаль Абдэль Нассер сказал явную ложь Королю Хузэйну в июне 1967, что египетские воздушные силы бомбят Тель-Авив (когда большинство его самолетов было уже уничтожено), чтобы втянуть его в войну против Израиля - классический пример обмана.^[27] Лицемерный подход Садата к сирийцам, с целью втянуть их в войну против Израиля в октябре 1973 был другим обманом (обман включал использование второго набора оперативных планов, предназначенных только для сирийских глаз).^[28] При такой истории, неудивителен низкий уровень сотрудничества или объединенных учений среди арабских армий. В течение войны 1967, ни один иорданский офицер связи не был размещен в Египте.^[29]

В-третьих, Ближневосточные правители обычно полагаются на методы равновесия сил, чтобы поддержать свою власть.^[30] Они используют конкурирующие организации, дублируют агентства и иждивенческие структуры, зависимые от прихоти правителя. Это делает построение любой формы личной власти затруднительным, если не невозможным, и определяет лидерство, как нарушение равновесия. То же самое происходит в вооруженных силах; мощный председатель объединенных руководителей - невообразим.

Объединенные команды - всего лишь бумажные конструкции, имеющие ограниченную функцию. Лидеры смотрят на объединенные команды, объединённые учения, объединенные армии, и интегрированный штат очень осторожно, арабская армия - это обоюдоострый меч. Один край обращён к внешнему врагу и другой может быть направлен против власти. Наземные войска - одновременно и сила, обслуживающая режим и, в то же время, угроза. Ни один арабский правитель не позволит объединенным армейским операциям стать нормой. Фактически, объединенные армейские учения и объединенный штат создают дружественные отношения, смягчают конкуренцию, стирают подозрения, и устраняют фрагментарные конкурирующие организации, которые позволяют правителям играть на конкуренции. Эта ситуация наиболее ясно замечена в Саудовской Аравии, где наземные войска и авиация находятся под министром обороны, принцем Султаном, в то время, как Национальная гвардия находится под принцем Абдуллахом, заместителем премьер-министра и наследным принцем. В Египте, центральные силы безопасности уравнивают армию. В Ираке и Сирии балансирование обеспечивает республиканская охрана.

Политические деятели, фактически, создают препятствия, поддерживающие фрагментацию. Например, получение самолета от воздушных сил для армейского бортового обучения, должно координироваться главами отделов в министерстве обороны; если вовлечено большое количество самолетов, это, вероятно, потребует президентского одобрения. Военные перевороты уже не актуальны, но опасение относительно них остается сильным. Любое крупномасштабное перемещение наземных войск - повод для беспокойства правительства, особенно если используются живые боеприпасы. В Саудовской Аравии существует сложная система документов, требуемая от командующих

вооруженных сил областей и провинциальных губернаторов, каждый из которых имеет каналы, чтобы обеспечить дорожный конвой, получение боеприпасов или проведения учений.

ПАРАНОЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Арабские режимы классифицируют всё неопределенное, как военное. Информация, которую американские армия публикует (о поощрениях, переводах, названия и обозначений единиц) - главная тайна в арабо-язычных странах. Безусловно, это создаёт некоторые трудным для врага, но это также усиливает ячеистую и разделенную природу вооруженных сил. Навязчивая идея о безопасности может достичь смехотворных величин. До войны 1973 Садат был удивлен тем, что в течение двух недель после отдачи приказа вооруженным силам готовиться к войне, его министр обороны, генерал Мухаммад Садик был не в состоянии передать приказ своему непосредственному штату. Садат задавался вопросом, должна ли информация о войне сохраняться в тайне от людей, с которыми собираешься в неё вступить?^[31] Иностранцы всегда должны быть готовы к тому, что партнёр или ключевое лицо с арабской стороны, может быть заменено, без предупреждения и объяснения относительно его внезапного отсутствия. Неопределенность всего этого оставляет иностранцев с мрачными сценариями. И лучшее не спрашивать слишком много; советники или инструкторы, которые кажутся чрезмерно любознательными, могут быть приняты за людей, стремящихся получить доступ к ограниченной информации.

Предполагаемые близкие отношения США-Израиля, мысль, действующая на всех уровнях, усиливает эту склонность к тайне. Арабы полагают, что самые мирские детали о них, так или иначе, будут переданы к Мосад. Это объясняет, почему американского советника в арабских вооруженных силах часто спрашивают о его мнении относительно "Палестинской проблемы" и подвергают выслушиванию монологов о еврейском доминировании в Соединенных Штатах.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Существует общая слабость относительно мер по обеспечению техники безопасности, кажущаяся небрежностью и безразличием к обучению предотвращения несчастных случаев, многие из которых могли быть предотвращены минимальными усилиями. По сравнению с (возможно чрезмерной) техникой безопасности американцев, арабские общества выглядят безразличными к жертвам и показывают вялый подход к обучению технике безопасности. Есть множество объяснений этому. Некоторые указали бы на врожденный фатализм Ислама^[32] и, конечно, любой, кто провел значительное время в арабских такси, согласился бы правдоподобность этой теории, но, возможно, причина базируется больше в политической культуре. Когда политические лидеры демонстрируют полное отсутствие беспокойства о благосостоянии своих солдат, таким отношением проникаются все эшелоны власти. Трюк Асада был предательством сирийских войск, воюющих с Израилем на Голанских Высотах в 1967: забрав свои элитные подразделения, сирийское правительство сознательно сообщило неправду, о том, что израильские войска

захватили город Кунейтра, окружив сирийскую армию. Сирийские лидеры сделали этот шаг, чтобы оказать давление на великие державы, с целью заключения перемирия, хотя это привело к панике в сирийских войсках и потере Голанских Высот.^[33]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Было бы трудно преувеличить культурный разрыв, отделяющий американские и арабские военные культуры. В каждой конкретной области, американские военные советники находят студентов, которые с энтузиазмом овладевают знаниями на уроках, но, затем, решительно не в состоянии применить их. Культура, в которую они возвращают - культура их армий и их стран препятствует намерениям и знаниям, полученным от американскими преподавателей.

Когда СССР имел влияние на арабский военный истеблишмент, он укрепили их культурные черты намного больше чем, это могут сделать американцы в настоящее время. Но, подобно арабам, советская военная культура управлялась политическими опасениями, граничащими с паранойей. Меры, принимаемые для контроля над источниками (реальной или предполагаемой) угрозы, типа жестко централизованной структуры командования, были поняты арабскими политическими и военными элитами. Арабы, также, чувствовали близость к советскому презрению класса офицеров к рядовым солдатам и недоверию советской военной иерархии к хорошо-развитому, хорошо-оцененному, хорошо-вознагражденному корпусу военнослужащих сержантского состава.

Арабская политическая культура, основанная на высокой степени социального расслоения, больше напоминает политическую культуру Советского Союза и менее всего напоминает меритократическую демократию Соединенных Штатов. Арабские офицеры не видят никакой ценности в обмене информации между собой. В этом они следуют примеру своих политических лидеров, которые не только отказывают в информации своим союзникам, но, обычно, обманывают их. Обучение в арабских армиях отражает это: вместо того, чтобы готовиться в максимально возможной степени ко множеству импровизированных обязанностей, которые могут понадобиться в хаосе сражения, арабские солдаты и их офицеры, связаны в узкими функциями назначений и иерархий. Это делает их менее эффективными на поле битвы, не говоря уже об операциях повышенного риска.

Изменения в арабской армии вряд ли произойдут, пока это они не произойдут в арабской политической культуре, хотя опыт других обществ (включая наше собственное) предполагает, что вооруженные силы могут иметь демократизирующее влияние на политическую культуру, поскольку офицеры приносят уроки их обучения сначала в их профессиональную среду, а затем в большее общество. Пока арабская политика не начнет изменяться на фундаментальных уровнях, арабские армии, безотносительно к храбрости или мастерству индивидуальных офицеров и солдат, вряд ли приобретут диапазон качеств, которые требуются современным армиям для успеха на полях сражений. Эти качества зависят от уважения, доверия и открытости среди членов вооруженных сил на

всех его уровнях; это - звучащая музыка современной войны, которую арабские армии, независимо от степени подражания их соответствующим образцам, не хотят услышать.

Литература

1. Saeed M. Badeeb, *The Saudi-Egyptian Conflict over North Yemen 1962-1970*, (Boulder, Westview Press: 1986), pp. 33-42.
2. R. D. McLaurin, *The Battle of Zahle* (Aberdeen Proving Grounds, Md.: Human Engineering Laboratory, Sept. 1986), pp. 26-27.
3. Anthony Cordesman and Abraham Wagner, *The Lessons of Modern War, Volume II: The Iran-Iraq War*, (Boulder, Colo.: Westview Press, 1990), pp. 89-98; Phebe Marr, *The Modern History of Iraq* (Boulder Colo.: Westview Press, 1985), pp. 22-223, 233-234.
4. Kenneth M. Pollack, "The Influence of Arab Culture on Arab Military Effectiveness" (Ph.d. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1996), pp. 259-261 (Egypt); pp. 533-536 (Saudi Arabia); pp. 350-355 (Iraq). Syrians did not see significant combat in the 1991 Gulf war but my conversations with U.S. personnel in liaison with them indicated a high degree of paranoia and distrust toward Americans and other Arabs.
5. David Kahn, "United States Views of Germany and Japan," *Knowing One's Enemies: Intelligence Before the Two World Wars*, ed., Ernest R. May (Princeton: Princeton University Press, 1984), pp. 476-503.
6. Gerhard L. Weinberg, *The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933-1936* (Chicago: University of Chicago, 1970), p. 21.
7. Stanley Karnow, *Vietnam: A History* (New York: Penguin Books, 1984), p. 18.
8. Paul Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers* (New York: Random House, 1987), pp. 186-187. The German assessment from T. Dodson Stamps and Vincent J. Esposito, eds., *A Short History of World War I* (West Point, N.Y.: United States Military Academy, 1955), p. 8.
9. William Manchester, *Winston Spencer Churchill: The Last Lion Alone, 1932-1940* (New York: Dell Publishing, 1988), p. 613; Ernest R. May "Conclusions," *Knowing One's Enemies*, pp. 513-514. Hitler thought otherwise, however.
10. Avraham (Bren) Adan, *On the Banks of the Suez* (San Francisco: Presideo Press, 1980), pp. 73-86. "Thus the prevailing feeling of security, based on the assumption that the Arabs were incapable of mounting an overall war against us, distorted our view of the situation," Moshe Dayan stated. "As for the fighting standard of the Arab soldiers, I can sum it up in one sentence: they did not run away." Moshe Dayan: *Story of My Life* (New York: William Morrow and Company, 1976), p. 510.
11. John Keegan, *A History of Warfare* (New York: Alfred A. Knopf, 1993), p. 18.
12. *Ibid.*, p. 387
13. John Walter Jandora, *Militarism in Arab Society: A Historiographical and Bibliographical Sourcebook* (Westport, Ct.: Greenwood Press, 1997), p. 128.
14. T. E. Lawrence, *The Evolution of a Revolt* (Ft. Leavenworth Kans.: CSI, 1990), p. 21. (A reprint of article originally published in the *British Army Quarterly and Defense Journal*, Oct. 1920.)
15. Author's observations buttressed by such scholarly works as Eli Shouby, "The Influence of the Arabic Language on the Psychology of the Arabs," *Readings in Arab Middle Eastern Societies and Culture*, ed. Abdullah M. Lutfiyya and Charles Churchill (The Hague: Mouton Co., 1970), pp. 688-703; Hisham Shirabi and Muktar Ani, "Impact of Class and Culture on Social Behavior: The Feudal-Bourgeois Family in Arab Society," *Psychological Dimensions of Near Eastern Studies*, ed. L. Carl Brown and Norman Itzkowitz (Princeton: The Darwin Press, 1977), pp. 240-256; Sania Hamady, *Temperament and Character of the Arabs* (New York: Twayne Publishers, 1960), pp. 28-85; Raphael Patai, *The Arab Mind* (New York: Charles Scribner's Sons, 1973), pp. 20-85.
16. Pollack, "The Influence of Arab Culture," p. 759.
17. Samuel P. Huntington, "The Clash of Civilizations," *Foreign Affairs*, Summer 1993, pp. 21-49.
18. Paul M. Belbutowski, "Strategic Implications of Cultures in Conflict," *Parameters*, Spring 1996, pp. 32-42.
19. Carlo D'Este, *Patton: A Genius for War* (New York: Harper-Collins, 1996), p. 383.
20. Saad el-Shazly, *The Crossing of the Suez* (San Francisco: American Mideast Research, 1980), p. 47.
21. Jordan may be an exception here; however, most observers agree that its effectiveness has declined in the past twenty years.
22. Pollack, "The Influence of Arab Culture," pp. 256-257.
23. H. Norman Schwarzkopf, *It Doesn't Take A Hero* (New York: Bantam Books, 1992), p. 494.
24. Khaled bin Sultan, *Desert Warrior: A Personal View of the War by the Joint Forces Commander* (New York: Harper-Collins, 1995), pp. 368-69.
25. Based on discussions with U.S. personnel in the area and familiar with the battle.
26. Yesoshat Harkabi, "Basic Factors in the Arab Collapse During the Six Day War," *Orbis*, Fall 1967, pp. 678-679.
27. James Lunt, *Hussein of Jordan, Searching for a Just and Lasting Peace: A Political Biography* (New York: William Morrow, 1989), p. 99.
28. Patrick Seale, *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East* (Berkeley: University of California Press, 1988), pp. 197-99; Shazly, *Crossing of the Suez*, pp. 21, 37.
29. Samir A. Mutawi, *Jordan in the 1967 War* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), p. 161.
30. James A. Bill and Robert Springborg, *Politics in the Middle East*, 3rd Ed. (New York: Harper-Collins, 1990), p. 262.
31. Anwar el-Sadat, *In Search of Identity* (New York: Harper and Row, 1978), p. 235.
32. Hamady, *Temperament and Character of the Arabs*, pp. 184-193; Patai, *The Arab Mind*, pp.147-150.

33. Joseph Malone, "Syria and the Six-Day War," *Current Affairs Bulletin*, Jan. 26, 1968, p. 80.